

Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России

Д. А. Александров, В. А. Иванюшина, Е. В. Казарцева

Александров Даниил Александрович кандидат биологических наук, заведующий научно-учебной лабораторией «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). E-mail: dalexandrov@hse.ru

Иванюшина Валерия Александровна кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). E-mail: ivaniushina@hse.ru

Казарцева Екатерина Витальевна кандидат социологических наук, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). E-mail: kazarceva.ekaterina@mail.ru

Адрес: Санкт-Петербург, 190008, ул. Союзная печатников, 16.

Аннотация. В статье впервые представлены данные об этническом разнообразии российских школ и соотношении этничности и миграционного статуса школьников. Исследование основано на результатах опросов 21 320 школьников в 365 школах пяти регионов РФ (Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Томск, Псков). Больше всего школьников с неродным русским в школах Подмосковья (16%), меньше всего — в школах малых городов и поселков Ленинградской области (6,6%) и Пскова (8,5%). В выборке представлены 56 этнических групп, хотя большинство из них очень малочисленны. В Санкт-Петербурге, Пскове и Томске среди детей с родным русским языком местные урожен-

цы составляют 63–66%, в то время как в Подмосковье их лишь 44%. Среди этнических меньшинств местных уроженцев больше всего в Томске и Пскове (38–39%). В Санкт-Петербурге среди украинцев, белорусов и татар больше местных уроженцев или мигрантов второго поколения, тогда как среди таджиков и узбеков преобладают мигранты поколения 1,5 (46–49%). В Подмосковье во всех этнических группах преобладают мигранты поколения 1,5, но особенно много их среди узбеков и таджиков (62%). В Томске большинство представителей этнических меньшинств являются либо местными уроженцами, либо мигрантами второго поколения. Статистика этнического и миграционного статуса школьников позволяет оценить не только объем миграционных потоков, но и ретроспективную временную динамику для разных этнических групп. Семьи украинцев, азербайджанцев, армян, грузин активно переезжали в РФ 15–20 лет назад. В настоящее время интенсивная миграция идет у таджиков, узбеков, киргизов, привозящих с собой детей разного возраста. Авторы считают, что органам управления образованием необходимо наладить грамотный учет школьников с неродным русским языком независимо от наличия у школьника гражданства, но обязательно в сочетании с миграционной историей семьи.

Ключевые слова: школы, этнический состав, дети-мигранты, миграционный статус, миграционные поколения, этничность.

Статья поступила в редакцию в феврале 2015 г.

DOI: 10.17323/1814-9545-2015-2-173-195

Во всем мире миграционные процессы приводят к формированию новых полиэтнических сообществ, и Россия здесь не является исключением. В отличие от стран Западной Европы, которые столкнулись с массовой трудовой миграцией еще в 1960–1970-е годы, в России трансграничные мигранты появились как значимое явление лишь после распада Советского Союза. С начала 1990-х годов этнический состав городов Российской Федерации меняется на наших глазах [Вишневский, Гимпельсон, 2013; Вишневский, 2014].

Увеличение численности трудовых мигрантов, имеющих временную регистрацию, происходит преимущественно в крупных промышленных центрах, где есть большой выбор вакансий, а предприятия заинтересованы в привлечении дешевой рабочей силы. При этом наблюдается, во-первых, усиление миграционного потока в РФ из бывших советских республик (стран СНГ), а во-вторых, интенсивная территориальная мобильность внутри самой России [Карачурина, Мкртчян, 2009; Карачурина, 2013]. Регистрация в РФ ребенка сопряжена для семьи трансграничных мигрантов с определенными юридическими трудностями [Александров и др., 2012. С. 18–19], тем не менее многие мигранты приезжают целыми семьями. По данным Ю. Ф. Флоринской, чаще всего с детьми приезжают трудовые мигранты из Армении и Азербайджана [Флоринская, 2012].

По мере того как набирали силу потоки трудовой миграции, в школах больших городов появлялись дети, для которых русский язык не является родным; в течение 1990-х — в начале 2000-х годов таких детей становилось все больше. Их присутствие вызывает озабоченность значительной части общества, особенно родителей детей школьного возраста, и широко обсуждается в средствах массовой информации. Несмотря на важность темы, эмпирических исследований, посвященных изучению адаптации детей из семей трудовых мигрантов в российских школах, пока еще немного, хотя с каждым годом число таких статей растет. Основное внимание исследователей привлекают приспособление детей-мигрантов к новым условиям и их интеграция в коллектив учащихся, проявления ксенофобии и толерантности в школе, проблемы, которые возникают в обучении у школьников с неродным русским языком, и подготовка учителей [Тюрюканова, Леденева, 2005; Панова, Федорова, 2006; Баразгова, Вандышев, Лихачева, 2010; Макаров, 2010; Кашпур, Поправко, 2012; Мукомель, 2014]. Исследователи, как правило, работают с небольшими выборками или с кейсами конкретных школ, что не позволяет представить детальную картину этнического состава школ какого-то региона или хотя бы города. На портале e-library нам удалось найти всего одну публикацию, которая выполнена на большой репрезентативной выборке школ и содержит данные о числен-

ности и этническом составе учащихся, — это исследование школ Ханты-Мансийского округа [Зборовский, Шуклина, 2013].

Сбор информации о численности тех или иных этнических групп в школах представляет отдельную сложную проблему. Органы УФМС, собирающие статистику о прибытии и убытии мигрантов, не ведут отдельного учета детей. Комитеты образования заинтересованы в таких данных, поэтому некоторые из них пытаются наладить учет детей с неродным русским языком в подведомственных школах, однако эти сведения отрывочны, не систематизированы, закрыты и не могут быть использованы исследователями для анализа. Сами школы ведут учет детей-мигрантов по самым разным основаниям: наличие временной регистрации, отсутствие российского гражданства, неродной русский язык и т. п., что также не позволяет свести эти данные воедино.

Поскольку ни государственная, ни ведомственная статистика не располагают необходимыми для нашего анализа сведениями, мы использовали данные, полученные при опросах учащихся. Подробное описание методики и вопросов анкеты приводится в следующем разделе.

Начиная с 2010 г. Лаборатория социологии образования и науки Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ проводит масштабные исследования российских школ¹, посвященные таким темам, как социальная дифференциация и этническая сегрегация, социальная среда школ и интеграция мигрантов, эмоциональное благополучие школьников, социализация школьников через внеклассную деятельность. Все эти опросы проводятся на больших по объему и репрезентативных выборках школ.

Несмотря на то что инструмент (анкета) в каждом проекте был настроен на разные задачи, в нем всегда повторялся социодемографический блок, включающий вопросы об образовании родителей, их профессиональной занятости, родном языке каждого из родителей, месте рождения каждого из родителей и ребенка, времени переезда семьи в данный населенный пункт. Школьник также отвечал на вопросы о своем родном языке, языке семейного общения и о том, к какой этнической группе или национальности он себя относит (этническая самоидентификация). Набор этих вопросов позволяет конструировать разные переменные, описывающие этничность школьника и миграционную историю семьи.

Эмпирическая база

¹ Исследования осуществлены при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (гранты 2010–2012 гг.) и в рамках программы «Стратегия 2020» (проект «Изучение и оценка потенциала учреждений дополнительного и неформального образования в решении задач социализации детей»).

В ходе этих исследований в течение 2010–2013 гг. нами собрана обширная эмпирическая база (365 школ в разных регионах РФ, более 20 тысяч анкет школьников). Анализ этой базы позволяет делать выводы об этническом составе российских школ и о миграционной истории семей учащихся в том или ином регионе.

Ниже для каждого из проектов приводится описание выборки, ее объем и способ формирования. Опросы в школах были фронтальными, т. е. опрашивались все ученики параллели 9-х классов (в некоторых исследованиях также 8-х и 10-х классов). Средний возраст участвовавших в анкетировании школьников составлял 15 лет.

1. Опрос полиэтничных школ Санкт-Петербурга 2010 г. При формировании выборки школы города были разделены на два типа: обычные школы и школы повышенного статуса, т. е. гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением предметов. В городе 732 государственные школы, которые составляли генеральную совокупность. Выборка строилась в два этапа. На первом этапе был применен принцип стратифицированной выборки: случайным образом были отобраны 30 обычных школ и 10 школ повышенного статуса. На втором была осуществлена довыборка малочисленных школ, так как из наших предварительных исследований было известно, что в Санкт-Петербурге дети из семей иноэтничных мигрантов чаще оказываются в таких школах. Всего опрошены 7300 учеников из 104 школ. Зная доли малочисленных школ и школ каждого из двух типов, мы могли ввести весовые коэффициенты для описания генеральной совокупности, и далее в статье использованы взвешенные данные этого опроса, соединенные с данными еще одного опроса в петербургских школах (см. ниже).
2. Опрос полиэтничных школ Московской области в 2011–2012 гг. В Московской области для исследования были выбраны 11 примыкающих к МКАД муниципальных образований (Ленинский, Мытищинский, Одинцовский, Красногорский и Люберецкий районы, города Королев, Котельники, Щербинка, Балашиха, Железнодорожный, Химки), которые до изменения границ Москвы образовывали «внешнее кольцо» города. В этих муниципальных образованиях больше иноэтничных школьников, чем в других районах области². Судя по имеющимся у нас данным интервью, мигранты предпочитают се-

² Данные о численности детей с неродным русским языком в разных районах Московской области были предоставлены нам Центром качества образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления», осуществляющим научное, методическое, организационно-технологиче-

литься в этих районах, так как жилье в них дешевле, чем в Москве, а близость к городу позволяет ездить туда на работу.

Из генеральной совокупности, состоящей из 255 школ, находящихся в этих муниципальных образованиях, для исследования были отобраны 99 школ. Отбор производился методом стратифицированной рандомизированной выборки с пропорциональной представленностью двух страт: обычных школ и школ повышенного статуса. Всего при опросе было собрано 7478 анкет учащихся.

3. Опрос по теме «Внеклассная и внешкольная занятость школьников» в 2011 г. Опрос проводился в четырех регионах РФ, в населенных пунктах разного типа: мегаполис (Санкт-Петербург), средние города (Томск и Псков), малые города (Всеволожск, Кириши, Асино) и поселки Ленинградской и Томской областей. В мегаполисах и средних городах осуществлялась стратифицированная рандомизированная выборка школ с пропорциональной представленностью школ повышенного статуса и обычных школ; таким образом, доля школ повышенного статуса в выборке соответствовала таковой в генеральной совокупности. В малых городах и поселках опросы школ были сплошными. В этом исследовании выборка составила 162 школы; было собрано 6992 анкеты.

Общее число школ, в которых проводились опросы, и численность опрошенных школьников отражены в табл. 1.

В опросах участвовали старшеклассники (8–10-е классы). Чтобы убедиться, что полученные в опросе данные отражают результаты для всей школы в целом, мы провели в каждой из школ Московской области, попавших в выборку, интервью с представителями администрации и учителями начальных классов, в ходе которых собирали сведения о численности детей, для которых русский язык не является родным, во всех классах данной школы. Таким образом удалось получить данные по 50 школам, от 1-го до 11-го класса. Результаты приведены на рис. 1.

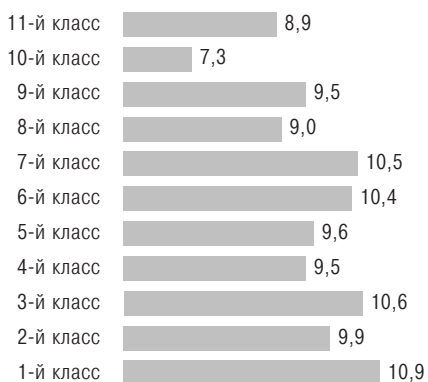
Как видно из рис. 1, хотя в начальных классах иноэтничных детей немного больше, изменения их доли в составе учащихся от параллели к параллели незначительны и не превышают 2% вплоть до 9-го класса, после которого многие учащиеся уходят в колледжи и училища. Таким образом, мы считаем, что данные о числе иноэтничных детей, полученные в опросах учащихся 9-го класса, могут быть экстраполированы на всю школу.

Собранные нами сведения позволяют оценить численность представителей тех или иных этнических групп в школах и опре-

ское сопровождение оценки качества образования в системе образования Московской области.

Таблица 1. **Описание выборки: общее число школ по населенным пунктам и количество анкет**

Населенный пункт	Число школ в выборке	Число анкет школьников
Санкт-Петербург (2010 г.)	104	7 191
Санкт-Петербург (2011 г.)	100	3 631
Московская область	99	7 438
Томск	25	1 275
Псков	15	772
Кириши (Ленинградская обл.)	8	352
Всеволожск (Ленинградская обл.)	6	378
Асино (Томская обл.)	4	140
Поселок 1 (Томская обл.)	1	33
Поселок 2 (Ленинградская обл.)	1	55
Поселок 3 (Ленинградская обл.)	1	17
Поселок 4 (Ленинградская обл.)	1	38
ИТОГО	365	21 320

Рис. 1. **Доля детей с неродным русским языком в разных параллелях школ Московской области (%)**

делить долю мигрантов среди школьников — представителей разных этнических групп. В первой части статьи будет описан этнический состав школ изученных регионов РФ, во второй части — миграционный статус школьников.

Таблица 2. **Доля иноэтничных школьников
в российских регионах**

Регион	Число анкет школьников	Доля иноэтничных школьников, %
Санкт-Петербург	10 822	12,8
Ленинградская область	802	6,6
Московская область	7 438	16,2
Псков	729	8,5
Томск и Томская область	1 431	10,1

Наиболее удобной прокси-переменной для указания этнической принадлежности школьника в данном исследовании мы сочли языковую идентификацию. При этом учитывались родной язык отца, родной язык матери и родной язык самого опрашиваемого. Мы использовали, не вдаваясь в классификацию языков, то название языка, которое давал сам учащийся, например езидский или курдский.

Если языки отца и матери не совпадали (таких семей в выборке было около 1,5%), приоритет отдавался национальной принадлежности отца, поскольку от него ребенок получает отчество и фамилию, что в глазах окружающих может служить сильным идентификатором этнической группы³. Далее по тексту мы будем употреблять термины «иноэтничные» и «с неродным русским языком» как синонимы.

В табл. 2 приведены данные о численности школьников с неродным русским языком в школах разных регионов.

В школах изучаемых регионов русские дети составляют от 85 до 93% учащихся, и только от 7 до 16% приходится на представителей других этнических групп. При этом разные регионы существенно различаются по доле школьников с неродным русским языком. Наибольшее число представителей иных этносов живет в Московской области (16,2%), наименьшее — в малых городах и поселках Ленинградской области. Мы проводили исследование в той части Московской области, которая непосредствен-

Этнический состав школ

³ Среди исследователей миграции нет консенсуса по вопросу о том, к какой категории относить детей от смешанных браков. Так, бельгийские исследователи в спорных случаях определяют этничность по бабушке с материнской стороны [Agirdag, Van Houtte, Van Avermaet, 2011]; в американских работах этничность или раса ребенка в смешанном браке обычно определяется по тому из родителей, кто является non-white или относится к этническому меньшинству [Portes, Fernandez-Kelly, Haller, 2005]; если же оба родителя относятся к этническим меньшинствам, ребенку приписывается этничность матери [Rumbaut, 2004].

Таблица 3. **Родные языки учащихся школ в Московской области** (N = 7395)
(численность носителей языка и их доля во всей выборке)

Родной язык учащегося	Численность (человек)	Доля в выборке (%)	Родной язык учащегося	Численность (человек)	Доля в выборке (%)
Русский	6233	83,8	Румынский	5	0,1
Армянский	318	4,3	Туркменский	5	0,1
Украинский	212	2,9	Бурятский	5	0,1
Азербайджанский	112	1,5	Польский	4	0,1
Татарский	62	0,8	Кумыкский	4	0,1
Молдавский	61	0,8	Кабардинский	4	0,1
Грузинский	48	0,6	Марийский	3	0,0
Белорусский	31	0,4	Башкирский	3	0,0
Узбекский	31	0,4	Черкесский	3	0,0
Чеченский	23	0,3	Турецкий	3	0,0
Таджикский	20	0,3	Фарси	3	0,0
Осетинский	20	0,3	Даргинский	2	0,0
Корейский	18	0,2	Табасаранский	2	0,0
Еврейский	15	0,2	Агульский	2	0,0
Чувашский	15	0,2	Лакский	2	0,0
Мордовский	12	0,2	Балкарский	2	0,0
Киргизский	12	0,2	Дигорский	2	0,0
Лезгинский	11	0,1	Абхазский	2	0,0
Езидский	11	0,1	Курдский	2	0,0
Гагаузский	9	0,1	Якутский	2	0,0
Болгарский	9	0,1	Калмыкский	2	0,0
Аварский	8	0,1	Монгольский	2	0,0
Сербский	7	0,1	Арабский	2	0,0
Немецкий	7	0,1	Мегрельский	1	0,0
Ингушский	7	0,1	Талышский	1	0,0
Казахский	7	0,1	Китайский	1	0,0
Пуштунский	6	0,1	Уйгурский	1	0,0

но примыкает к МКАД, т.е. к самой Москве. Столица, как магнит, притягивает к себе трудовых мигрантов, многие из них ездят в мегаполис на работу; этим объясняется такой высокий процент школьников с неродным русским языком в этой местности. Напротив, малые города и поселки менее привлекательны для трудовых мигрантов в силу меньшего числа и недостаточного разнообразия рабочих мест.

Термины «иноэтничные» или «с неродным русским языком» обобщают огромное разнообразие этнических групп, различаю-

Таблица 4. **Укрупненные группы** (% от всех иноэтничных школьников в выборке)

	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Московская обл.	Псков	Томск и область
Украинцы, белорусы, молдаване, гагаузы	30,5	30,2	27,7	39,7	12,3
Этногруппы Закавказья	37,1	26,4	42,7	25,4	28,1
Этногруппы Средней Азии	10,3	18,9	6,8	6,3	17,8
Этногруппы Северного Кавказа	7,5	7,5	8,7	3,2	2,7
Этногруппы Поволжья и Приуралья	7,1	3,8	8,2	3,2	26,0
Этногруппы Прибалтики	1,1	1,9	0,5	15,7	2,8
Другие	6,5	11,3	5,4	6,5	10,3

щихся не только языком, но и религией и культурными практиками, которые неизбежно накладывают свой отпечаток на взаимоотношения детей, принадлежащих к этим группам, со школой. При кодировании каждый школьник был отнесен к той или иной этнической группе; число отдельных групп оказалось очень велико: так, в Московской области в выборку попали представители 56 этнических групп, от украинцев до афганцев (табл. 3).

Поскольку некоторые группы очень малочисленны и составляют лишь доли процента в выборке, нет возможности анализировать каждую из них по отдельности. Для упрощения статистической информации мы объединили этнические группы в категории, основываясь на территориальной общности (табл. 4). Так, в одну группу были объединены выходцы из Средней Азии (узбеки, таджики, киргизы и туркмены). Армяне, азербайджанцы, грузины составили группу народностей Закавказья. В общую группу вошли этносы Северного Кавказа (осетины, ингуши, чеченцы, а также многочисленные народности, населяющие Дагестан⁴). В одну группу были объединены представители Поволжья и Приуралья (татары, башкиры, чуваша, мордва и др.), еще в одну группу — этничности Прибалтики (эстонцы, латыши, литовцы). Категорию «другие» составили представители малочисленных этнических групп, а также носители языков стран дальнего зарубежья.

Как видно из табл. 4, школы разных регионов России существенно различаются по этническому составу. Например, концентрация выходцев из Украины, Белоруссии, Молдавии в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Пскове выше,

⁴ Как правило, школьники указывали конкретный язык одной из народностей Дагестана, например аварский, даргинский, кумыкский, лакский. Однако в некоторых анкетах был указан «дагестанский язык», хотя такого не существует. Этих респондентов мы также относили к категории «этногруппы Северного Кавказа».

чем в Томске. Псков отличается от других регионов высокой долей среди школьников носителей языков Прибалтики (эстонский, литовский, латышский), что, по всей видимости, обусловлено территориальной близостью этих двух регионов. При этом географическое положение — далеко не единственный фактор, определяющий этнический состав того или иного региона.

Каждый российский город и регион имеет собственную историю формирования этнического состава населения, которая берет свое начало еще во времена многонациональной Российской империи. К примеру, Санкт-Петербург издавна был многонациональным городом, в нем многие диаспоры сформировались еще в XVIII–XIX вв., и они всегда поддерживали свою этническую и культурную идентичность, сохраняли свои традиции и язык и при этом не испытывали проблем с русским языком [Юхнева, 1984; 2004; Старовойтова, 1987].

Рассматривая представительство различных этносов в школах того или иного российского региона, мы ограничили анализ теми этническими группами, которые в каком-либо из регионов представляют заметное большинство, объединив носителей остальных языков в группу «другие». Сводные данные для каждого региона представлены в табл. 5. Указанные в таблице доли того или иного этноса подсчитаны в соотношении с общей численностью учащихся с неродным русским языком, что позволяет оценить представленность разных этнических групп относительно друг друга, без учета русскоязычных школьников.

В школах Санкт-Петербурга почти четверть иноэтничных школьников составляют украинцы. Значительны также доли азербайджанцев (17,5%) и — несколько меньше — армян (12,3%). Из других этнических групп относительно многочисленны грузины, белорусы, татары, узбеки и таджики, однако каждая из этих групп составляет лишь 3–6% всех иноэтничных детей. Остальные этнические группы очень малочисленны, доля их не превышает 1–1,5%. Полные данные на основе двух массовых опросов подтверждают ранее сделанные выводы о полиэтничном составе петербургских школ [Александров, Баранова, Иванюшина, 2011].

В Ленинградской области исследование проводилось в городах Всеволожск и Кириши, а также в нескольких небольших поселках, в которых имеется всего одна школа. Всего в исследовании приняли участие 849 учеников из 18 школ; из них 6,6% (56 человек) — с неродным русским языком. Доля иноэтничных детей в областных школах, взятых в целом, почти вдвое меньше, чем в Санкт-Петербурге. Однако результаты для отдельных населенных пунктов сильно различаются. Так, в г. Кириши, который расположен на значительном расстоянии от Петербурга, доля иноэтничных детей в школах очень мала, в то время как во Всеволожске, который является практически пригородом Петербурга, процент иноэтничных учащихся почти не отличается от тако-

Таблица 5. Доли представителей различных этнических групп в школах (% от числа школьников с неродным русским языком)

	Санкт-Петербург	Ленинградская обл.	Псков	Московская обл.	Томск и область
Украинцы	22,3	15,1	27,0	17,6	11,1
Азербайджанцы	17,5	9,4	6,3	9,3	18,1
Армяне	12,3	11,3	17,5	26,4	9,0
Белорусы	6,5	9,4	11,1	2,6	1,4
Грузины	6,3	5,7	1,6	4,0	0,0
Татары	4,1	3,8	1,6	5,1	22,2
Узбеки	4,0	3,8	3,2	2,6	6,3
Таджики	3,0	2,0	1,6	1,7	2,8
Киргизы	1,2	0,0	1,6	1,0	4,9
Молдаване	1,7	5,7	1,6	5,1	0,0
Казахи	1,7	4,0	0,0	0,6	3,5
Чуваши	1,4	0,0	1,6	1,2	3,5
Эстонцы	0,4	0,0	6,3	0,1	0,0
Литовцы	0,3	1,9	4,8	0,2	0,7
Латыши	0,3	0,0	3,2	0,2	0,7
Немцы	0,5	0,0	0,0	0,6	8,3
Другие	16,6	27,9	11,1	21,8	7,7

вого в Северной столице. Следовательно, формируя выборку для описания этнического состава региона, необходимо учитывать ряд характеристик населенных пунктов.

Этнический состав школ в Ленинградской области очень близок к тому, что мы наблюдали для Санкт-Петербурга: наиболее представленными группами являются украинцы, армяне, азербайджанцы и белорусы.

В школах Пскова самой многочисленной группой нерусскоязычных детей являются украинцы (27%), значительную долю также составляют армяне (17,5%) и белорусы (11,1%). Отличительной чертой Пскова является то, что здесь сравнительно много носителей языков Прибалтики — эстонского, литовского, латвийского. В сумме они составляют 14,3%, тогда как в других изученных регионах на их долю приходится менее 1% всех детей с неродным русским языком. Очевидно, причиной является географическая близость Пскова и Прибалтики.

Из всех рассматриваемых нами регионов Московская область характеризуется самым высоким процентом детей-ми-

грантов в школах. Наша выборка не описывает всю Московскую область, и вряд ли можно ожидать, что в таких отдаленных районах, как Талдомский или Шатурский, этнический состав школ будет таким же, как в Мытищинском или Одинцовском районе. Поскольку нас интересовала интеграция детей-мигрантов в российские школы, мы сосредоточили свое внимание на той части Московской области, где доля иноэтничных детей в школах особенно высока, а именно на муниципальных образованиях, окружающих МКАД.

Как видно из табл. 5, самой многочисленной иноэтничной группой в школах этих муниципальных образований являются армяне, которые составляют более четверти нерусскоязычных школьников Подмоскovie — 26,4%. Азербайджанцев в подмосковных школах всего 9,3%. Соотношение долей этих групп почти обратное тому, что мы наблюдали для Санкт-Петербурга. Как и для других регионов европейской части России, для Московской области характерно большое число школьников, для которых родным является украинский язык.

Томск — единственный город в нашем исследовании, который не находится в европейской части РФ. Самой многочисленной иноэтничной группой в школах Томска оказались татары (22,2%). Значительную долю также составили немцы (8,3%). В других изученных регионах доля немцев среди иноэтничных детей не превышала 0,5%, а доля татар — 5,1%. Достаточно широко представлены также украинцы (11,1%) и азербайджанцы (18,1%). Специфику этнического состава Томска объясняет история заселения этого региона и порядок смены миграционных потоков. Немцы были насильственно перемещены сюда в 1941–1945 гг. [Полян, 2001]. Сибирские татары жили на территории Сибири задолго до основания Томска, с самого начала были составной частью его населения, а далее татарское население города пополнялось приезжающими волжскими татарами [Корусенко, Томилов, 2011].

Среди детей с неродным русским языком есть выходцы из семей, проживающих в том или ином регионе очень давно. Так, многие армянские и татарские семьи живут в Петербурге уже пять поколений, сохраняя свою этническую идентичность. При этом они полностью интегрированы в местную жизнь, прекрасно владеют русским языком, дети их не испытывают в школе специфических трудностей, связанных с неродным языком преподавания и культурными различиями. Для того чтобы отличать давно укорененных представителей этнических меньшинств от недавно прибывших трудовых мигрантов, следует ввести еще одно измерение, а именно длительность проживания или миграционную историю.

**Миграционный
статус детей
в российских
школах**

Исследователи миграции делят ее на внешнюю (трансграничную) и внутреннюю. Внешними считаются мигранты, приехавшие из других государств; для современной России это будут в том числе и жители бывших республик СССР, ныне независимых государств. Внутренняя миграция предполагает перемещение жителей внутри страны.

Принято также выделять поколения миграции — в зависимости от давности переезда в принимающую страну. Мигрантами первого поколения считаются те, кто родился в одной стране и переехал в другую; мигранты второго поколения — те, кто родился в семье мигрантов первого поколения уже в новой стране. Эта поколенческая классификация хорошо работает для взрослых мигрантов, но при изучении детей оказывается слишком грубой.

Первые годы взросления очень важны с точки зрения социализации, и от того, в какой стране они проходят, зависят этническая и культурная идентификация человека, его владение языками, его самоощущение как жителя страны. Поэтому исследователи, изучающие детей-мигрантов, предлагают более подробные классификации, основанные на «дробных поколениях». Широко распространено использование категории «полуторное поколение», представителям которого часто свойственна двойственная идентичность (о применении этой категории в России см. [Мукомель, 2012]).

Наиболее разработанную классификацию поколений предложил американский социолог Рубен Румбо [Rumbaut, 2004]. Он развивает следующую аргументацию: дошкольник, школьник младшего возраста и подросток (teenager) — это кардинально разные стадии развития ребенка, и от того, на какой из этих периодов приходится миграция, зависит специфика адаптационных процессов. Основываясь на этих теоретических предположениях, а также на полученных им эмпирических данных, Румбо предложил выделять три категории:

- 1) миграция в дошкольном возрасте — «поколение 1,75». Такие дети практически не помнят страны своего рождения, говорят на языке принимающей страны без акцента; по своему опыту они близки к тем, кто родился в принимающей стране и считается мигрантом второго поколения;
- 2) приехавшие в возрасте 6–12 лет — «поколение 1,5». Эти дети научились говорить, а может быть, и читать и писать на языке страны своего рождения, успели поучиться там в школе;
- 3) приехавшие в подростковом возрасте (13–17 лет) — «поколение 1,25». Их культурная и этническая идентичность успела сформироваться в родной стране; в новой стране они пошли учиться в старшие классы школы либо сразу, минуя школу, попали на рынок труда; их жизненный опыт ближе к опыту

Таблица 6. **Соотношение численности школьников из семей мигрантов (длительность проживания семьи в данной местности менее двух поколений) и из семей местных уроженцев (длительность проживания семьи — два поколения и более) в разных регионах** (% численности детей соответствующей языковой категории)

	Местные уроженцы	Приезжие
Дети с родным русским языком		
Санкт-Петербург	63,1	36,9
Ленинградская обл.	54,9	45,1
Псков	66,4	33,6
Московская обл.	44,2	55,8
Томск и Томская обл.	63,6	36,4
Дети с неродным русским языком		
Санкт-Петербург	23,6	76,4
Ленинградская обл.	17,4	82,6
Псков	37,7	62,3
Московская обл.	10,2	89,8
Томск и Томская обл.	39,0	61,0

взрослых мигрантов первого поколения, чем к опыту младших братьев и сестер, родившихся в новой стране.

Поскольку в нашей анкете мы задавали вопрос о миграционной истории семьи и о времени переезда, мы имеем возможность отдельно проанализировать миграционные поколения. Для семей, живущих в данной местности два поколения или более (по крайней мере один из родителей ребенка родился здесь), мы используем категорию «местные уроженцы» вслед за российскими исследователями миграции [Карачурина, Мкртчян, 2009]. Если же родители ребенка переехали в данную местность, семья считается мигрантами.

Следуя классификации Румбо, мы выделяем такие категории детей: мигранты второго поколения (родители приезжие, но дети родились в данной местности), мигранты поколения 1,75 (дети, перевезенные в дошкольном возрасте) и мигранты поколения 1,5 (дети, перевезенные в возрасте старше 7 лет). Ко всем таблицам даны соответствующие пояснения. Кроме того, мы анализируем отдельно русскоязычных и иноэтничных мигрантов. Выделение данных категорий позволяет проанализировать, как давно

представители различных этнических групп проживают в том или ином регионе, и описать миграционные волны последних 20 лет.

В табл. 6 для каждого из рассматриваемых регионов представлены данные о том, какую долю детей-мигрантов составляют выходцы из семей, приехавших относительно недавно, и из семей, проживающих в данной местности по крайней мере два поколения (родители родились здесь).

Для всех рассматриваемых регионов, кроме Московской области, доля русскоязычных семей с резидентным статусом местных уроженцев колеблется в пределах 55–65%. В Московской области таких семей значительно меньше, всего 44%, тогда как 56% семей поселились в этих районах сравнительно недавно. Следовательно, на протяжении последних 20 лет в данные районы Московской области (ближнее Подмосковье) осуществлялся интенсивный приток русскоязычных семей из других регионов России. Наши данные подтверждают выводы демографов о том, что Московская область начиная с 1990-х годов была самым привлекательным регионом для внутренней трудовой миграции [Мкртчян, 2005].

Что касается семей с неродным русским языком, во всех рассматриваемых регионах доля недавно переехавших (мигранты) существенно превышает долю тех, кто живет в данной местности два поколения и более. Больше всего детей из семей иноэтнических мигрантов в школах Московской и Ленинградской областей, меньше всего — в Томске и Пскове.

В Санкт-Петербурге мы взяли для более подробного анализа миграционной истории восемь этнических групп, доля каждой из которых составила более 3% от общего числа иноэтнических школьников; суммарно эти восемь групп составляют 75% иноэтнических детей в школах Петербурга. Данные приведены в табл. 7.

В Санкт-Петербурге представители многих иноэтнических групп являются местными жителями, так как в городе существуют диаспоры, которые на протяжении веков являются неотъемлемой частью петербургского населения. Так, значительная часть татар, белорусов, украинцев имеет высокий резидентный статус, проживая в Петербурге дольше двух поколений; около трети школьников этих этнических групп являются мигрантами второго поколения, которые родились и выросли здесь. Резко отличаются от них по резидентному статусу этнические группы Закавказья. В них лишь незначительная часть учащихся (13–17%) родились в семьях местных уроженцев, в то время как подавляющее большинство являются мигрантами второго поколения или поколения 1,75 (родившимися здесь в семьях мигрантов или привезенными в дошкольном возрасте). Небольшая часть детей (12–18%) переехали в Петербург в возрасте 7 лет и старше (поколение 1,5). Наконец, для этнических групп из Средней Азии, представленных узбеками и таджиками, характерно преобладание среди школь-

Таблица 7. **Доли учащихся с разным миграционным статусом в школах Санкт-Петербурга** (% численности школьников данной этнической группы)

	Местные уроженцы	Мигранты		
		2-е поколение	поколение 1,75	поколение 1,5
Украинцы	33,4	34,8	14,9	16,9
Белорусы	48,3	34,8	7,9	9,0
Татары	44,6	28,6	7,1	19,6
Азербайджанцы	13,4	41,6	30,7	14,3
Армяне	11,4	39,5	31,1	18,0
Грузины	17,4	43,0	26,7	12,8
Узбеки	9,1	23,6	18,2	49,1
Таджики	17,1	7,3	29,3	46,3

Таблица 8. **Доли учащихся с разным миграционным статусом в школах Подмосковья** (% численности школьников данной этнической группы)

	Местные уроженцы	Мигранты		
		2-е поколение	поколение 1,75	поколение 1,5
Украинцы	10,6	14,1	32,9	42,4
Молдаване	4,1	20,4	28,6	46,9
Татары	8,0	28,0	26,0	38,0
Азербайджанцы	4,0	21,8	28,7	45,5
Армяне	2,2	20,1	37,2	40,5
Грузины	16,7	31,0	26,2	26,2
Узбеки и таджики	2,9	2,9	32,4	61,8

ников мигрантов поколения 1,5, т. е. тех, кто переехал в Петербург в возрасте 7 лет и старше.

В табл. 8 представлен миграционный статус иноэтничных учащихся в школах Московской области.

В отличие от Санкт-Петербурга, в школах Подмосковья мы не находим детей из иноэтничных семей, которые бы долго (более двух поколений) проживали в данной местности. Несколько выше, чем в других группах, процент семей с резидентным статусом местного уроженца среди украинцев и грузин, но это превышение незначительно. Доля школьников — мигрантов второго

Таблица 9. **Доли учащихся с разным миграционным статусом в школах Томска и Томской области** (% численности школьников данной этнической группы)

	Местные уроженцы	Мигранты		
		2-е поколение	поколение 1,75	поколение 1,5
Украинцы	50,0	37,5	12,5	0
Немцы	50,0	25,0	25,0	0
Татары	68,8	18,8	6,3	6,3
Азербайджанцы	20,8	54,2	20,8	4,2
Армяне	7,7	38,5	46,2	7,7
Узбеки, таджики и киргизы	15,0	20,0	35,0	30,0

поколения во всех этнических группах составляет от 14 до 30%, и лишь среди представителей среднеазиатских этничностей она значительно ниже, всего 3%. Подавляющее большинство детей-мигрантов были привезены в Московскую область сравнительно недавно и, как правило, уже в школьном возрасте. При этом все этнические группы сходны в отношении миграционного статуса детей, отличаются только узбеки и таджики: в этой группе значительно выше доля детей, приехавших в возрасте старше 7 лет (недавняя миграция). Ввиду значительных различий в миграционном статусе между иноэтничными школьниками Санкт-Петербурга и Подмосковья представляет интерес динамика переселений: осядут ли семьи в Московской области надолго или сменятся новыми миграционными потоками?

В табл. 9 с точки зрения миграционного статуса школьников охарактеризован состав школ в Томске и Томской области — в регионе, который является менее привлекательным для трудовых мигрантов, чем Санкт-Петербург и Московская область (о привлекательности регионов см. [Мкртчян, 2005]).

Украинцы, немцы и татары в большинстве своем имеют в Томске и Томской области высокий резидентный статус, т. е. их семьи проживают в данной местности более двух поколений; недавних мигрантов (поколение 1,5) среди них практически нет. Миграционный статус азербайджанцев и армян сходен с таковым в Санкт-Петербурге: основная часть школьников — это мигранты второго поколения и поколения 1,75. В отличие от Петербурга, в Томске практически нет грузин. Представители этнических групп Средней Азии в Томске немногочисленны, поэтому мы вынуждены были их объединить. Примерно третья часть школьников из этих этнических групп переехали в Томск недавно, еще столько же — в дошкольном возрасте.

Сравнивая данные по миграционному составу школ для описанных регионов, мы можем заключить, что в школах Томска наименьшая доля детей — мигрантов поколения 1,5, т.е. привезенных в регион уже в школьном возрасте; в наибольшей степени с этой проблемой сталкиваются школы ближайшего Подмосковья. Именно дети с неродным русским языком, переселившиеся в иноязычный и инокультурный регион в среднем школьном возрасте, испытывают трудности с освоением школьной программы и могут представлять проблему для школы [Александров, Баранова, Иванюшина, 2011; 2012; Александров и др., 2012].

Заключение Дети — представители некоренных этнических групп с неродным русским языком учатся не только в школах мегаполисов, но и в небольших городах и поселках РФ. Однако доля школьников с неродным русским языком в этих городах невелика по сравнению с Санкт-Петербургом и Московской областью.

Фактор внешней миграции является основным в росте этнического разнообразия школ РФ. Вместе с тем внутренняя миграция семей происходит гораздо интенсивнее, чем внешняя. На этнический состав школ оказывают влияние несколько факторов:

- степень привлекательности того или иного региона для переезда на постоянное место жительства;
- история городов и регионов и наличие в них давно сложившихся диаспор;
- географическое положение региона — близость к отправляющим странам.

Статистика этнического и миграционного статуса школьников позволяет оценить не только объем миграционных потоков при переезде на постоянное местожительство с детьми, но и ретроспективную временную динамику для разных этнических групп. Семьи украинцев, азербайджанцев, армян, грузин переезжали наиболее активно приблизительно 15–20 лет назад. В настоящее время интенсивная миграция идет у таджиков, узбеков, киргизов, привозящих с собой детей разного возраста.

Насущная задача органов управления образованием — наладить грамотный учет школьников с неродным русским языком независимо от наличия у школьника гражданства, но обязательно в сочетании с миграционной историей семьи. Мы считаем необходимым фиксировать родные языки каждого из родителей (а не их этническую самоидентификацию) и время переезда семьи в данную местность. Если ребенок — местный уроженец в семье мигрантов первого поколения, то он, скорее всего, пойдет в школу уже с хорошим знанием русского языка независимо от того, как говорят на русском его родители, и возмож-

ные трудности в обучении у такого школьника не будут отличаться от трудностей, с которыми сталкиваются местные уроженцы [Александров, Баранова, Иванюшина, 2011; 2012; Александров и др., 2012]. То же самое верно и для детей, переехавших в дошкольном возрасте. Труднее всего в школе иноэтничным учащимся, переехавшим в новую языковую среду в подростковом возрасте. Школы, в которых концентрируются такие учащиеся, нуждаются в особой поддержке.

При выборе показателей обязательного учета необходимо достичь баланса между информативностью и простотой сбора и фиксации. При записи ребенка в школу трудно стандартным образом измерить уровень владения русским языком с учетом возраста школьника, не говоря уже об оценке аккультурации. Данные же о языках в семье и длительности пребывания в русскоязычной среде фиксируются легко. Взятые в агрегированном виде, эти данные будут адекватными прокси для оценки нагрузки на школу и районные образовательные системы — безусловно, более точными и полезными, чем число детей без гражданства.

Литература

1. Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В. В., Савельева С. С., Тенишева К. А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН-ЮНИСЕФ, 2012.
2. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199.
3. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011.
4. Баразгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Противоречия в формировании социокультурной идентичности детей трансграничных мигрантов // Известия Уральского государственного университета, 2010. № 1 (72). С. 229–240.
5. Вишневский А. Г. Новая роль миграции в демографическом развитии России // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 95–104.
6. Вишневский А. Г., Гимпельсон В. Е. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. С. 1–10.
7. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // СОЦИС. 2013. № 2. С. 85–91.
8. Карачурина Л. Б. Внутрироссийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. № 7. С. 53–56.
9. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Миграционная активность занятого и незанятого населения (по данным социологического обследования населения 10 крупных российских городов) // Демоскоп Weekly. 2009. № 401–402.
10. Кашпур В. В., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 88–93.

11. Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Татары Сибири в XVIII — начале XX в.: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 177–185.
12. Макаров А. Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94–101.
13. Мкртчян Н. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186. С. 10–23.
14. Мукомель В. И. Проблемы межэтнических отношений // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
15. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции представителей полукоренного поколения мигрантов. Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Уфа, 23–25 октября 2012 г. <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part60.pdf>. С. 8148–8156.
16. Панова Е. А., Федорова К. С. Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолингвистического исследования) // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 1. С. 81–102.
17. Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ — Мемориал, 2001.
18. Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки. Л.: Наука, 1987.
19. Тюрюканова Е. В., Леденева Е. И. Ориентации детей мигрантов на получение высшего образования // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 94–100.
20. Флоринская Ю. Ф. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. 2012. № 515–516. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php>
21. Юхнева Н. В. Этнография Петербурга-Ленинграда: тридцать лет изучения, 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004.
22. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1984.
23. Agirdag O., Van Houtte M., Van Avermaet P. (2011) Ethnic School Context and the National and Sub-National Identifications of Pupils // Ethnic and Racial Studies. Vol. 34. No 2. P. 357–378.
24. Portes A., Hao L. (2004) The Schooling of Children of Immigrants: Contextual Effects on the Educational Attainment of the Second Generation // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 101. No 33. P. 11920–11927.
25. Portes A., Rumbaut R. G. (2005) Introduction: The Second Generation and the Children of Immigrants Longitudinal Study // Ethnic and Racial Studies. Vol. 28. No 6. P. 983–999.
26. Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. (2005) Segmented Assimilation on the Ground: The New Second Generation in Early Adulthood // Ethnic and Racial Studies. Vol. 28. No 6. P. 1000–1040.
27. Rumbaut R. G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States // International Migration Review. Vol. 38. No 3. P. 1160–1205.

Ethnic Composition and Migration Status of Primary and Secondary School Students in Russia

Daniil Alexandrov

Author

Candidate of Sciences in Biology, Head, Laboratory of Sociology in Education and Science, National Research University—Higher School of Economics (Saint Petersburg). Email: dalexandrov@hse.ru

Valeria Ivaniushina—Candidate of Sciences in Biology, Leading Research Fellow, Laboratory of Sociology in Education and Science, National Research University—Higher School of Economics (Saint Petersburg). E-mail: ivaniushina@hse.ru

Ekaterina Kazartseva—Candidate of Sciences in Sociology, Junior Researcher, Laboratory of Sociology in Education and Science, National Research University—Higher School of Economics (Saint Petersburg). Email: kazartseva.ekaterina@mail.ru

Address: 16 Soyuz Pechatnikovstr., 190008, Saint Petersburg, Russian Federation.

Data on ethnic diversity and ethnicity/migration correlation among primary and secondary school students is presented in the article for the first time ever. The study is based on polls held among 21,320 school students in 365 schools of five regions of Russia (Moscow Oblast, Saint Petersburg, Leningrad Oblast, Tomsk, and Pskov). The most part of students speaking Russian as their second language attend schools of Moscow suburbs area (16%) with the least part attending schools of small towns and settlements of Leningrad Oblast (6.6%) and Pskov (8.5%). The sample covers 56 ethnic groups with some being rather small. In Saint Petersburg, Pskov and Tomsk there are 63–66% locals among children speaking Russian as their first language, whereas in Moscow suburbs area there are 44% only. Among ethnic minorities, the highest numbers of locals are in Tomsk and Pskov (38–39%). In Saint Petersburg there are more locals or second generation migrants among Ukrainians, Belarusians and Tatars, whereas "generation 1.5" migrants prevail in number among Tadzhiks and Uzbeks (46–49%). Generation 1.5 migrants prevail among all ethnic groups in Moscow suburbs area with Uzbeks and Tadzhiks being the most prevailing (62%). In Tomsk, most of the ethnic minorities' representatives are either locals or second-generation migrants. Statistics on ethnic and migration status of school students allows for assessment not only of the scale of migration flows but also of a retrospective time dynamics for various ethnic groups. Families from Ukraine, Azerbaijan, Armenia, and Georgia were actively moving to Russia 15–20 years ago. Now there is massive migration going on among Tadzhiks, Uzbeks and Kyrgyz who bring their children of various ages. We believe that education management authorities should initiate prudent integration of school students with Russian as their second language irrelevant of their citizenship but with consideration of their families' migration background.

Abstract

schools, ethnic composition, migrant children, migration status, migration generations, ethnicity.

Keywords

Agirdag O., Van Houtte M., Van Avermaet P. (2011) Ethnic School Context and the National and Sub-National Identifications of Pupils. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 34, no 2, pp. 357–378.

References

- Alexandrov D., Baranova V., Ivaniushina V. (2011) *Deti iz semey migrantov v shkolakh Sankt-Peterburga: predvaritelnye dannye* [Children from Migrant Families in Schools of Saint Petersburg. Preliminary Findings]. Saint Petersburg: Polytechnic University Publishing House.
- Alexandrov D., Baranova V., Ivaniushina V. (2012) *Deti i roditeli—migranty vo vzaimodeystvii s rossiyskoi shkoloy* [Children and Parents, Migrants and Their Interaction with the Russian School]. *Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 176–199.
- Alexandrov D., Ivaniushina V., Kostenko V., Savelyeva S., Tenisheva K. (2012) *Polozhenie detey migrantov v Sankt-Peterburge* [Situation with Migrant Children in Saint Petersburg]. Moscow: United Nations Children's Fund.
- Barazgova Y., Vandyshchev M., Likhacheva L. (2010) *Protivorechiya v formirovani sotsiokulturnoy identichnosti detey transgranichnykh migrantov* [Contradictions in Development of Social and Cultural Identity by Cross-Border Migrant Children]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1, pp. 229–240.
- Florinskaya Y. (2012) *Deti migrantov v Rossii: dostup k obrazovaniyu i meditsine* [Migrant Children in Russia: Access to Education and Healthcare]. *Demoskop Weekly*, no 515–516. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (accessed 10 April 2015).
- Karachurina L. (2013) *Vnutrirossiyskaya trudovaya migratsiya: rasprostranennost i geografiya peredvizheniy* [Labour Migration Within Russia. Prevalence and Geography of Movements]. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii*, no 7, pp. 53–56.
- Karachurina L., Mkrtchyan N. (2009) *Migratsionnaya aktivnost zanyatogo i nezanyatogo naseleniya (po dannym sotsiologicheskogo obsledovaniya naseleeniya 10 krupnykh rossiyskikh gorodov)* [Migration Activity among Employed and Unemployed Population (Based on a Social Community Study Conducted in 10 Large Cities of Russia)]. *Demoskop Weekly*, no 401–402.
- Kashpur B., Popravko I. (2012) *Sotsiokulturnaya adaptatsiya migrantov: problemy i strategii (tomskiy keys)* [Social and Cultural Integration of Migrants. Challenges and Strategies (A Tomsk Case Study)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 354, pp. 88–93.
- Korusevskiy S., Tomilov N. (2011) *Tatary Sibiri v XVIII—nachale XX v.: rasseyeniye, chislennost i sotsialnaya struktura* [Tatars of Siberia in 18th—Early 20th Centuries. Dispersion, Number, and Social Structure]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no 2 (15), pp. 177–185.
- Makarov A. (2010) *Osobennosti etnokulturnoy adaptatsii detey migrantov v moskovskikh shkolakh* [Special Aspects of Ethnic and Cultural Integration of Migrant Children in Schools of Moscow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 94–101.
- Mkrtchyan N. (2005) *Migratsiya v Rossii: zapadny dreyf* [Migration in Russia: Drifting Towards the West]. *Demoskop Weekly*, no 185–186, pp. 10–23.
- Mukomel V. (2012) *Osobennosti adaptatsii i integratsii predstaviteley polutornogo pokoleniya migrantov* [Special Aspects of Adaptation and Integration of One-and-a-Half Generation Migrants]. *Proceedings of the 4th Regular Russian National Congress of Sociology "Sotsiologiya i obshchestvo: globalnye vyzovy i regionalnoye razvitiye" (Ufa, October 23–25, 2012)*, pp. 8148–8156. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part60.pdf> (accessed 10 April 2015).
- Mukomel V. (2014) *Problemy mezhetnicheskikh otnosheniy* [Challenges of Cross-Ethnic Relations]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 137–166.
- Panova E., Fedorova K. (2006) *Inoetnichnye deti v peterburgskoy shkole: mify i realnost (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Nonethnic

- Children in Saint Petersburg Schools: Myths and Reality (Based on a Social and Linguistic Study)]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, no 1, pp. 81–102.
- Polyan P. (2001) *Ne po svoey vole. Istoriya i geografiya prinuditelnykh migratsiy v SSSR* [No Freedom of Choice. History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow: OGI—Memorial.
- Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. (2005) Segmented Assimilation on the Ground: The New Second Generation in Early Adulthood. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 28, no 6, pp. 1000–1040.
- Portes A., Hao L. (2004) The Schooling of Children of Immigrants: Contextual Effects on the Educational Attainment of the Second Generation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 101, no 33, pp. 11920–11927.
- Portes A., Rumbaut R. G. (2005) Introduction: The Second Generation and the Children of Immigrants Longitudinal Study. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 28, no 6, pp. 983–999.
- Rumbaut R. G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States. *International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1160–1205.
- Starovoytova G. (1987) *Etnicheskaya gruppa v sovremennom sovetskom gorode: sotsiologicheskie ocherki* [Ethnic Group in a Modern Soviet City. Sociology Essays]. Leningrad: Nauka.
- Tyuryukanova E., Ledeneva E. (2005) Orientatsiya detey migrantov na poluchenie vysshego obrazovaniya [Migrant Children's Commitment to Getting Higher Education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 94–100.
- Vishnevsky A. (2014) Novaya rol migratsii v demograficheskom razvitii Rossii [The New Role of Migration in Demographic Development of Russia]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 5, pp. 95–104.
- Vishvesky A., Gimpelson V. (2013) Mifologiya i zhizn. Migratsiya v Rossii; eyo vospriyatie i sotsialno-politicheskie posledstviya [Mythology and Life. Migration in Russia. Its Perception and Sociopolitical Effects]. *Rossiya v globalnoy politike*, no 3, pp. 1–10.
- Yukhneva N. (1974–2004) *Etnografiya Peterburga-Leningrada: tridsat let izucheniya* [Ethnography of Saint Petersburg/Leningrad: Thirty Years of Study], Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences.
- Yukhneva N. (1984) *Etnicheskiy sostav i etnosotsialnaya struktura naseleniya Peterburga. Vtoraya polovina XIX—nachalo XX v.* [Ethnic Composition and Socio-Ethnic Structure of Saint Petersburg Community. Second Half of the 19th—Early 20th Centuries]. Leningrad.
- Zborovsky G., Shuklina E. (2013) Obuchenie detey migrantov kak problema ikh sotsialnoy adaptatsii [Education of Migrant Children as One of the Challenges to their Social Integration]. *Sots/s*, no 2, pp. 85–91.